

История историографии блокады Ленинграда от зарождения до современности

The history of the historiography of the Siege of Leningrad from its origins to the present day

Васютин П.Е.

Аспирант, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», г. Санкт-Петербург
email: olaya.igo@yandex.ru

Vasyutin P.E.

Postgraduate student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg
email: olaya.igo@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается развитие историографии блокады Ленинграда с момента первых публикаций послевоенного времени до современных исследований. Акцент делается на постепенном раскрытии новых деталей в научных работах отечественных и зарубежных авторов на протяжении советского и постсоветского периодов. Особое внимание уделяется содержанию научных работ в зависимости от цензуры и возможностей доступа авторов к архивным документам. В статье также затрагиваются вопросы работы различных авторов в вопросах методов их анализа различных исторических источников. При сравнении работ отечественных и зарубежных историков выявляются общие тенденции и специфические черты в их подходах к изучению темы. С помощью проблемно-хронологического подхода в статье определяется нынешнее состояние историографии блокады Ленинграда и перспективные направления дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, историография, наука, цензура.

Abstract

The article examines the development of the historiography of the siege of Leningrad from the first publications of the post-war period to modern research. The emphasis is on the gradual disclosure of new details in the scientific works of domestic and foreign authors during the Soviet and post-Soviet periods. Special attention is paid to the content of scientific papers, depending on censorship and the authors' access to archival documents. The article also discusses the work of various authors in the methods of their analysis of various historical sources. When comparing the works of Russian and foreign historians, general trends and specific features in their approaches to the study of the topic are revealed. Using a problem-chronological approach, the article defines the current state of the historiography of the siege of Leningrad and promising areas for further research in this area.

Keywords: the siege of Leningrad, the Great Patriotic war, historiography, science, censorship.

Введение

Зарождение историографии блокады Ленинграда отмечается рядом трудностей в вопросах организации и публикации научных исследований. Прежде всего, стоит отметить, что первые работы по изучению блокады начались ещё до её завершения.

Александр Юрьевич Стефаненко, изучая историю историографии блокадного Ленинграда, и ссылаясь на переписку с Ленинградским горкомом ВКП(б) по вопросам научно-исследовательской работы Института, находящуюся в Центральном государственном архиве

историко-политических документов Санкт-Петербурга, отмечает, что Институт истории партии при ленинградском обкоме ВКП(б), находясь в осаждённом городе, производил как сбор источников по теме, так и написание первых трудов по ней.

В частности, отмечаются первые попытки составления хронологии блокады, которая, согласно сноске на лист 4 вышеупомянутого дела, начиналась концом сентября, чем отличалась от последующих работ по истории блокады Ленинграда. Уже в этот момент отмечается внешний контроль над организацией исследований, хоть сама работа сотрудников, как указано, и носила самостоятельный характер [14, с.3-4]. Как наличие контроля за деятельностью историков, так и трудности с организацией исследований по теме, упоминает также Геннадий Леонтьевич Соболев в статье «Блокада Ленинграда: постижение правды».

Автор утверждает, что идея о создании общегородской комиссии по сбору документов и написания исследовательских работ, выдвинутая ленинградскими историками, была принята во внимание только после взятия процесса по организации комиссии и её деятельности под контроль партийным руководством города [24, с.73-74]. Для общественности же на данном этапе публикуются лишь литературные работы в жанре исторической прозы – к примеру, значительное количество публикаций по блокаде Ленинграда принадлежит писателю Николаю Семёновичу Тихонову. Такие его работы, как «Ленинград принимает бой» [29], «Ленинградский год» [30] и «Бойцы огненного фронта» [28] хоть и отражают события блокады Ленинграда, но написаны в художественном стиле и носят явно пропагандистский характер.

После снятия блокады в 1944 г. в Советском Союзе начинаются первые издания сборников документов, относящихся к блокадному Ленинграду. Значимость издания сборника документов и материалов «Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза» в двух томах для истории историографии блокады Ленинграда, а также возникающие с изучением блокады трудности, связанные с «Ленинградским делом», отмечают как Соболев [24, с.74], так и Стефаненко [14, с.5].

Наибольшей проблемой для отражения в исторических трудах на данном этапе являлась невозможность упоминания репрессированных личностей, участвовавших в обороне города [14, с.5]. Тем не менее непосредственно исторические работы всё же начинают публиковаться. Блокада Ленинграда находит отражение как во втором издании Большой советской энциклопедии [7, с.166-167], так и в диссертациях – Стефаненко, в частности, упоминает работу Владимира Ивановича Мазнина на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Большевистская организация Невского района города Ленинграда в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.)» как первую научную работу, в которой датой начала блокады Ленинграда указывается 8 сентября 1941 г. [14, с. 5].

Характерной чертой освещения данного события в этот период истории историографии является уделение наибольшего внимания личностям Иосифа Сталина и Андрея Жданова. Статьи из Большой советской энциклопедии отводят им руководящую роль в организации обороны города и отмечают их значимость для снятия осады. Общая же тенденция историографии блокады Ленинграда в период её зарождения характеризуется не столько основными нарративами, сколько отсутствием возможностей для освещения значительного количества информации о блокаде. Это касается как участников «Ленинградского дела», так и неструктурированности документов, с которыми можно было бы организовать исследовательскую работу на должном уровне.

Широкая работа по раскрытию событий о блокаде Ленинграда в исторической науке начинает принимать видимый характер уже к концу 1950-х – началу 1960-х годов. Важной предпосылкой является вышедшая в 1958 г. книга «Ленинград в блокаде» за авторством Дмитрия Васильевича Павлова, которая содержит важную для истории историографии информацию как о продовольственной ситуации блокадного Ленинграда, так и общие вопросы военной, политической и бытовой истории данного события [22].

Д.В. Павлов был советским государственным деятелем, ответственным за снабжение

Ленинградского фронта (а затем и всей Красной Армии) продовольствием, потому его работа о блокаде хоть и отличается предвзятостью в вопросе освещения данного исторического события, но, исходя из исторического анализа Соболева, отмечается работа Павлова с возражениями и вопросами по содержанию в последующих шести переизданиях [24, с.75].

В 1959 г. издаётся работа «Ленинградцы в годы блокады (1941–1943)» за авторством Александра Васильевича Карасева [11]. Данный труд значительно выделяется среди других ранее упомянутых работ по многим показателям.

Во-первых, автор большую часть текста активно подкрепляет высказанные утверждения сносками на документальные и библиографические материалы. На протяжении всей работы страницы содержат ссылки на архивные документы из Государственного Архива Октябрьской Революции и Социалистического Строительства Ленинградской Области, Центрального Архива Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, Архива Института Марксизма-Ленинизма, Архив Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи, Отдела Рукописных Фондов Института Истории Академии Наук СССР и других архивов. Из литературы использовались работы как послевоенного периода, так и на более современные для того времени научные исследования.

Во-вторых, как отмечает Стефаненко [14, с. 7], в этой монографии, в сравнении с более ранними историческими работами по блокаде Ленинграда, начинают упоминаться имена репрессированных по «Ленинградскому делу». В тексте по вопросам военной экономики СССР в годы Великой Отечественной Войны и её перехода с «мирной продукции» на военную присутствуют ссылки на Николая Алексеевича Вознесенского [11, с. 50, 257, 277], в тексте присутствует повествование о деятельности в ходе блокады таких деятелей, как Алексей Александрович Кузнецов, Пётр Сергеевич Попков и Яков Фёдорович Капустин [11, с. 50, 70, 103-115, 193, 284]. Сама монография содержит в себе достаточно объёмную информацию о блокаде Ленинграда: раскрывается её предыстория, первые дни столкновения города с осадным положением, обозреваются особенности существования людей в подобных условиях.

Выполняется анализ принятых мер для укрепления обороноспособности города на протяжении всей блокады, включая трудности, возникшие во время наибольшего голода декабря 1941 – марта 1942 г. Завершается повествование исследованием времени от прорыва блокады в 1943 г. до её полного снятия, и подводятся итоги столкновения Ленинграда с данным событием. Героизм и заслуги по удержанию города отводятся уже не только Сталину и Жданову, и даже не только военным, участвовавшим в обороне, но и всем ленинградцам, что, исходя из сносок на газету «Правда», к этому времени уже соотносится с культурной повесткой того времени [11, с. 310-311].

Начало 60-х годов XX в. также отмечается выпуском первых значимых зарубежных исследований по блокаде Ленинграда. В 1962 г. выходит книга английского историка Леона Гуре [1], в которой события рассматриваются с так называемой «тоталитаристской теории». Организация обороны города при таком подходе критикуется и, согласно нему, анализ доступных исследователю материалов позволяет сделать выводы о неправомерном удержании населения внутри осаждённого города, а также наличии насилиственного контроля жителей Ленинграда через партийные органы и Народный Комиссариат Внутренних Дел.

Стоит отметить, что тоталитаристская теория не являлась доминирующей концепцией по вопросу блокады Ленинграда в зарубежных исследованиях. К примеру, работа Гаррисона Солсбери [4], благодаря содержанию большего, нежели у Гуре, списка источников и литературы, на которые опирается автор, выполнена в более объективном ключе и признаёт многие аспекты организации обороны города необходимыми.

Тем не менее многие вопросы в истории историографии блокады Ленинграда оставались незакрытыми как в зарубежной, так и в советской историографии. Как Стефаненко, так и Соболев отмечают, что главной проблемой начала 60-х годов в данной теме была необходимость уточнения числа погибших во время обороны города людей. Оба автора

отмечают, что до 1965 г. примерное число жертв оценивалось в 600-700 тыс. чел. [14, с.6; 24, с. 75-76]. Изменение оценки начало происходить с публикацией небольшой статьи под названием «Ленинградский реквием (о жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады)» в двенадцатом номере журнала «Вопросы истории».

В ней Валентин Михайлович Ковальчук вместе с Геннадием Леонтьевичем Соболевым на основе анализа архивных документов высказывали оценку в 800 тыс. без учёта потерь на фронте, предполагая возможное уточнение числа погибших до миллиона человек. Данная оценка вступала в конфликт с мнением Д.В. Павлова, но была поддержана институтом истории Академии наук СССР и внесена в пятый том «Очерков истории Ленинграда», который, к тому же, значительное внимание уделял социальным аспектам истории блокады [21].

В.М. Ковальчук в дальнейшем будет продолжать издавать работы по блокаде Ленинграда. В 1970-м году будет издана книга «Непокоренный Ленинград: Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной Войны», в редакционную коллегию которой вместе с ним входили Андрей Ростиславович Дзенискевич, Геннадий Леонидович Соболев и др. [20]. Позже, в 1975 г. будет издана работа «Ленинград и Большая Земля» [13], посвящённая истории ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в период 1941–1943 гг., особенностям взаимодействий осаждённого города с неоккупированными территориями Советского Союза.

В это же время А.Р. Дзенискевич подробно изучает вопрос истории рабочих во время блокады. Работа «Военная пятилетка рабочих Ленинграда» [8] выходит в 1972 г., а в 1978 г. публикуется работа «Заводы на линии фронта» [9]. Данные труды содержат информацию как о численности людей, задействованных в промышленности Ленинграда во время блокады, так и особенности их положения, раскрываясь важность их функционирования в установленных условиях.

Г.Л. Соболевым работы Ковальчука и Дзенискевича оцениваются крайне положительно [24, с.78-79], но предвзятость данной оценки (как было упомянуто, эти авторы часто работали вместе с Соболевым) отчасти нивелируется такой же оценкой этих трудов в исследовании Стефаненко, который отмечает важность деятельности указанных авторов и признаёт их исследования «охватывающими практически все стороны жизни Ленинграда» [14, с.7]. Множество вопросов и проблем, связанных с блокадой, однако, всё ещё продолжали раскрываться. Знаковым событием для истории историографии данной темы стало издание «Блокадной книги» за авторством Даниила Александровича Гранина и Алексея Михайловича Адамовича. Наиболее значимой стороной «Блокадной книги» является очень детализированное раскрытие истории быта людей, оказавшихся в осаждённом городе.

Описывается образ жизни блокадников, их ежедневные действия, особенности обустройства их жилья [5]. История повседневности, описанная Граниным и Адамовичем на основе дневников, записок и прочих личных источников представляют читателям опыт выживания людей и их борьбу с голодом в детальных подробностях, непредставимо откровенных в сравнении с более ранними работами других авторов по этой теме. Трудности с содержанием книги состояли, прежде всего, в раскрытии историй участников «Ленинградского дела», а также с описанием такого явления в блокадном Ленинграде, как людоедство. В остальных моментах авторами сохраняется тенденция, заданная более ранними авторами – важность социалистического устройства общества и признание заслуг партийного руководства.

В целом же, «брежневский» период в контексте истории историографии блокады Ленинграда отмечается как ростом популярности изучения данной темы, так и возвращением такой проблемы, как цензурирование. Хоть общее число работ очень сильно растёт в количестве, и отдельные моменты истории блокады раскрываются в историографии с предметной подробностью, но общие выводы всех работ остаются в рамках устоявшейся парадигмы, а отдельные моменты всё ещё остаются либо закрытыми к обсуждению, либо же вовсе невозможными к изучению в силу засекреченности источников.

Ситуация с обозрением блокады Ленинграда в историографии в сравнении с советскими исследованиями, как считают исследователи истории историографии по данной теме, меняется ещё к концу 1980-х годов с политикой гласности – смягчение цензуры в государстве открывает возможности писать о блокаде Ленинграда в негативных контекстах, критикуя как партийное руководство СССР в годы войны, так и общие неудачи первых месяцев боевых действий. Объективность же работ, выпущенных в это время, осложняется отсутствием документальных источников, однозначно подтверждающих высказываемую критику, из-за чего действительно инновационные исследования выходят только в 90-х годах XX в. [14, с.8; 24, с. 79]. 1990-е годы в истории историографии блокады Ленинграда, в свою очередь, отмечаются коллективным подходом в постановке проблем, а также взаимодействием историков по вопросам их решения.

В 1992 г. в Санкт-Петербурге Международная ассоциация блокадников города-героя Ленинграда организовывает массовую научную конференцию, на которой перед историками открывается ряд вопросов о блокаде, ранее недопустимый к постановке как из-за цензуры, так и из-за недоступности источников. Главными темами, допустимыми теперь к рассмотрению, были причины, по которым стала возможна блокада города, вопросы ответственности за гибель населения Ленинграда, разбор факторов, не позволивших прорвать осаду в первые годы войны, влияние должностных лиц и прочие проблемы, не нашедшие к тому времени объективного исследования.

Продолжается также дискуссия по более ранним вопросам – Соболев среди всех выше озвученных проблем отмечает продолжение дискуссии о необходимости установления числа погибших ленинградцев [24, с.79-80]. На основе данного мероприятия в 1995 г. издаётся сборник «Блокада рассекреченная» [6], в котором составители отмечают открытость большего числа разбираемых вопросов для дальнейшего изучения на основе документов и иных материалов, засекреченных ранее.

В это же время выходит сборник статей «Ленинградская эпопея: Организация обороны и населения города» [16], в котором поднимаются такие вопросы, как партийная организация в годы войны, коммуникации, местное самоуправление, культурная, научная и религиозная жизнь, настроения населения и военных во время блокады. Многие из этих тем для истории историографии блокадного Ленинграда являются инновационными и не имеющими раскрытия в советской историографии, а также критически анализируют имеющиеся источники, развивая новые подходы в истории данного события.

Другим важным моментом является наличие в сборнике статьи Ричарда Бидлака, американского историка, осветившего в статье вопросы, которых ранее касался Дзенискевич – места заводских рабочих в истории осады Ленинграда. Публикация данного автора говорит не только о начале освещения международного опыта в изучении блокады, но и, исходя из содержания, позволяет утверждать о начале научного взаимодействия между российскими и зарубежными исследователями.

Важной предпосылкой для дальнейшего развития историографии блокады Ленинграда является открытие возможности ознакомления с рядом документов, недоступных для изучения ранее. Наиболее значимой публикацией в этом вопросе является сборник документов «Ленинград в осаде» под редакцией Дзенискевича. Данный сборник содержит в себе примечательные для дальнейшего изучения материалы из Центрального Государственного Архива Историко-Политической документации, Центрального Государственного Архива Санкт-Петербурга, Центрального Государственного Архива Литературы и Искусства, Центрального Государственного Архива Научно-Технической Документации и прочих архивов, содержащих как документальные, так и личные источники по изучению осаждённого Ленинграда [15].

Все вышеописанные моменты истории историографии блокады позволили уже в начале XXI в. опубликовать ряд работ, которые на данный момент считаются основополагающими при изучении блокады. Именно в 2000-х годах как издаются исследования упомянутых ранее советских авторов, которые в 90-е годы получили возможность изучить те аспекты, которые

не позволялось в прошлом, так и новые подходы к изучению открывают авторы, начавшие изучение блокады Ленинграда в перестройку.

В 2001 г. выходит работа «Жизнь и смерть в заблокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект» [10] под редакцией Дзенискевича, изучающая проблемы голода, заболеваний и массовых смертей с помощью специалистов по биологии и медицине, что, во-первых, для того времени является инновационным междисциплинарным подходом к изучению данного периода истории и, во-вторых, освещает ранее нерассмотренную проблему комплекса мер, которые были приняты для борьбы с вышеуказанными проблемами, и отсутствие мер, которые не реализовались внутри осаждённого Ленинграда по различным причинам. Ряд как социологических, так и медицинских аспектов блокадного Ленинграда также раскрывает Михаил Иванович Фролов в работе «Салют и реквием: Героизм и трагедия ленинградцев, 1941-1944 гг.» [31].

В частности, важный аспект работы заключается в детальном исследовании последствий, которые повлекла за собой блокада города на его население: разобрано влияние пережитого события на физическое и психологическое состояние людей, исследован процесс указанных изменений. Отдельную важность для истории историографии по блокаде представляют работы Никиты Андреевича Ломагина. Данный автор, ещё в 1995 г., отметившийся в сборнике «Ленинградская эпопея» детальным изучением социальной истории блокады Ленинграда по теме «Настроения защитников и населения Ленинграда в период обороны города, 1941-1942 гг.» [16, с. 202-262], издаёт ряд трудов, в которых раскрывает сразу несколько актуальных для истории блокады вопросов. Исследование «В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев» [17] вводит в историографию блокады работу не только с документами из архива Управления Федеральной Службы Безопасности, ранее недоступные для изучения, но и расширяет работу с личными источниками, а также подключает к анализу событий ряд документов, взятых из Национального архива США, относящихся к отражению осады Ленинграда с немецкой стороны. «Неизвестная блокада» в двух книгах [19], изданная в 2002 г., также отмечается рядом инновационных подходов в изучении блокады и расширяет освещение ранее затронутых вопросов.

Во-первых, в исследовании на основании ранее недоступных документов раскрывается проблема роли политического руководства и НКВД в контроле за населением Ленинграда, поднятая ранее зарубежными авторами, сторонниками «тоталитаристской теории». В работе указывается ряд действий, благодаря которым партийное руководство и НКВД, несмотря на тяжёлое психологическое положение и «пораженческие настроения» даже внутри данных организаций, смогли удержать ситуацию в городе под контролем, что оправдывается в том числе с точки зрения символического значения Ленинграда для солдат на фронте.

В работе также прослеживаются процессы в изменении руководства, их реакции на кризисные ситуации, признаётся ряд их ошибок как в организации тыла, так и в состоянии населения на протяжении блокады. Во-вторых, продолжая работу с социальной историей, отдельная глава в книге посвящается анализу настроений среди различных слоёв населения города, процесс из развития и изменения в зависимости от различных событий. В-третьих, значительное внимание также уделяется оккупированным районам Ленинградской области – ранее недоступной для освещения теме организации оккупационного режима, его особенностям, пропагандистской деятельности на контролируемых территориях и за её пределами, взаимодействию с населением.

В свою очередь, работа «Ленинград в блокаде» [18], изданная в 2005 г., является более общей работой, в которой полученные в предыдущих исследованиях результаты накладываются на устоявшиеся тенденции в понимании осады Ленинграда, тем самым формируя новый образ изучаемых событий, одновременно критикующий как советскую пропаганду, так и тоталитаристскую теорию.

Таким образом, работы Никиты Андреевича Ломагина раскрывают целый ряд проблем, поставленных перед историками, изучающими блокаду Ленинграда, в 1990-х годах. В 2005 г.

также издаёт новую работу по блокаде Ленинграда Валентин Михайлович Ковальчук под названием, похожим на работу Солсбери из 1960-х годов: «900 дней блокады: Ленинград 1941–1944». В ней автор возвращается к проблеме, поднятой им ещё в советское время – количество гражданских жертв указывается около 750 тыс. чел. на основе новых исследований, выпущенных другими авторами [13].

Таким образом, первое десятилетие XXI в. отмечается качественным развитием историографии блокады Ленинграда. Это достигается, во-первых, возможностью работы с рядом источников, недоступных для изучения ранее. Во-вторых, исследователи продолжают заданную в 1990-х годах тенденцию к взаимодействию и коллективному подходу к изучению проблем истории блокады, в том числе на междисциплинарном уровне. В-третьих, важную роль играет преемственность новых работ как от трудов данного периода, так и от более ранних исследований, в том числе советского времени, что позволяло авторам уточнять и корректировать устоявшуюся картину отражения блокады в исторических работах.

Современные исследования в истории историографии блокады Ленинграда, которые в данной работе начинают датироваться со второго десятилетия XXI в., отмечаются, прежде всего, развитием тенденций, заданных в начале 2000-х годов. С 2013 по 2017 г. трёхтомник «Ленинград в борьбе за проживание в блокаде» [26; 27; 25] выпускает Геннадий Леонтьевич Соболев. Опираясь на свои предыдущие совместные исследования с Валентином Михайловичем Ковальчуком, и предметно изучив всю значимую имеющуюся на тот момент историографию по данному вопросу, Соболев ставит целью не столько поднять какие-либо новые подходы к изучению блокады, сколько, суммировав все накопившиеся за это время исследования, составить историю осаждённого Ленинграда в настолько полном объёме, насколько позволяет нынешний объём изученных и открытых к доступу источников как документального, так и личного характера. Несмотря на обширность затронутых тем в трёхтомнике, стоит отметить, что пространство для исследования блокады Ленинграда всё ещё остаётся достаточно широким в вопросах экономической жизни города, а также биографических исследований лиц на руководящих должностях и специфике промышленной деятельности [14, с. 9-10].

Наибольшее внимание в современной историографии вновь возвращается к личным источникам. Сергей Викторович Яров в книге «Блокадная этика: Представления о морали в Ленинграде в 1941– 1942 гг.» [32] затрагивает процессы адаптации психики людей к условиям выживания в осадном городе. Работа опирается на значительное количество дневников, личных писем, воспоминаний и прочих личных источников, присутствуют сноски на документы, в некоторых аспектах работа ссылается на проведённые ранее исследования. Работа отчасти выполнена в критическом тоне, но, вместе с обличающими описаниями наиболее неприемлемых с точки зрения морали эпизодов, в заключение автор уточняет сохранение устойчивости этических норм населения, несмотря на поставленные условия.

Психологические аспекты истории блокады также затрагивает Пянкевич Владимир Леонидович в работе «Люди жили слухами: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда» [23] - работа также опирается, прежде всего, на личные источники, но важной особенностью работы является также изучение вопроса получения населением города новостей и иной информации о событиях за пределами осаждённого Ленинграда. Работа также нацелена на изучение процесса изменения в восприятии людей и их настроений, что продолжает тему, раскрытую Ломагиным, при этом тенденция к откровенным описаниям продолжается с «Блокадной книги» Гранина и Адамовича.

Парадигма изучения социальной истории, истории повседневности и психологических особенностей жителей блокадного Ленинграда распространяется в том числе на зарубежных авторов – Алексис Перри, работая с дневниками блокадников, издаёт свою работу в 2017 г. [3]. Сильнее эта тенденция развивается в работе Джейфри Хасса 2021 г. [2], в которой отдельное внимание уделяется изучению стратегий выживания отдельных личностей, исходя из личных источников. Кроме того, данная работа примечательна отсутствием обобщений –

каждый разбираемый случай, взятый исходя из архивного источника, разбирается в индивидуальном контексте, и автор не стремится обобщить свою работу до общей картины, при этом используя социологические методы исследования в том числе для изучения экономической ситуации в городе.

Исходя из вышеописанных тенденций, современная историография блокады Ленинграда будет продолжать сводиться как к обобщению ранее полученных данных из документальных источников, так и к изучению личных материалов людей, живших в условиях осаждённого города с разных взглядов исторического анализа. Поскольку подобные тенденции наблюдаются как в отечественной, так и в зарубежной историографии, международное взаимодействие в развитии данных проблем допускается возможным и доступным для реализации. Также допустимо предполагать, что будут получать развитие вопросы экономической истории города и биографические работы.

Литература

1. Goure L. The Siege of Leningrad. Stanford: Stanford Univ. Press, 1962. 363 p.
2. Hass J. Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944. Oxford: Oxford University Press, 2021. 440 p.
3. Peri A. The War Within: Diaries from the Siege of Leningrad. Cambridge, London: Harvard University Press, 2017. 384 p.
4. Salisbury H.E. The 900 Days: The Siege of Leningrad. New York, Evanston: Harper & Row, 1969. 760 p.
5. Адамович А.М., Гранин Д.А. Блокадная книга. М.: Советский писатель, 1979. 296 с.
6. Блокада рассекреченная: сборник. Международная ассоциация блокадников города-героя Ленинграда. Сост. В. Демидов. СПб.: Бояныч, 1995. 254 с.
7. Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 7. С. 166-167.
8. Дзенискевич А.Р. Военная пятилетка рабочих Ленинграда. Л., Лениздат. 1972. 215 с.
9. Дзенискевич А.Р. Заводы на линии фронта: Рабочие Ленинграда фронту. М.: Политиздат, 1978. 111 с.
10. Дзенискевич А.Р. (отв. ред.). Жизнь и смерть в заблокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 269 с.
11. Карасев А.В. Ленинградцы в годы блокады (1941–1943). М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 315 с.
12. Ковальчук В.М. 900 дней блокады: Ленинград 1941–1944. СПб., 2005. 234 с.
13. Ковальчук В.М. Ленинград и Большая Земля. Л.: Издательство «Наука», 1975. 338 с.
14. Ленинград в годы Великой Отечественной войны: библиографический указатель литературы и источников. 1941–2022 гг. Сост. А.И. Баду, А.П. Керзум, И.И. Петрова, А.Я. Разумов, А.Ю. Стефаненко (отв. сост.), Э.А. Урусова. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2023. 772 с.
15. Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944. Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. СПб.: Лики России, 1995. 640 с.
16. Ленинградская эпопея: Организация обороны и населения города. Санкт-Петербургский филиал института Российской истории Российской академии наук. СПб., 1995. 293 с.
17. Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., Европейский дом. 2001. 311 с.
18. Ломагин Н.А. Ленинград в блокаде. М.: Яузा: Эксмо, 2005 544 с.
19. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. СПб: Издательский Дом «Нева», М.: Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. 960 с.
20. Непокоренный Ленинград: Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Ред. коллегия: А.Р. Дзенискевич, В.М. Ковальчук, Г.Л. Соболев и др. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1970. 414 с.
21. Очерки истории Ленинграда. Т. 5: Период Великой Отечественной войны

- Советского Союза. Л.: Наука, 1967. С. 692.
- 22. Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. М. Воениздат, 1958. 161 с.
 - 23. Пянкевич В.Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб.: Владимир Даль, 2014. 478 с.
 - 24. Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда: постижение правды. Новейшая История России. 2012. №2 (4). С. 72-87.
 - 25. Соболев Г.Л. Ленинград в регионе за проживание в блокаде: в 3-х комнатах. Книга третья: Январь 1943 - январь 1944 Спб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. 748 с.
 - 26. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. 500 с.
 - 27. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 январь 1943. Спб.: Санкт-Петербургский государственный университет», 2015. 396 с.
 - 28. Тихонов Н. Бойцы огненного фронта. Л.: Госполитиздат, 1943. 31 с.
 - 29. Тихонов Н. Ленинград принимает бой. Л.: Отделение Воениздата НКО СССР при Ленфронте, 1942. 420 с.
 - 30. Тихонов Н. Ленинградский год. Л.: Военное издательство народного комиссариата обороны, 1943. 115 с.
 - 31. Фролов М. И. «Салют и реквием»: Героизм и трагедия ленинградцев, 1941-1944 гг. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2004. 235 с.
 - 32. Яров С.В. Блокадная этика: Представления о морали в Ленинграде в 1941– 1942 гг. СПб.: Нестор-история, 2011. 326 с.